

**Cultural barriers in russian-turkish diplomatic
communication and ways to overcome them**

**Культурные барьеры в российско-турецком
дипломатическом общении и пути их преодоления**

УДК 81-23 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-1-2026-41-50](https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-41-50)

**Йылмаз Эльвира Рафиловна¹,
Габдрахманова Ильвина Ильгизовна²**

¹ Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия

² Магистрант, Казанский (Приволжский)
федеральный университет, Казань, Россия

Автор, ответственный за переписку:
el-vira-hadieva@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0002-5649-6995>

**Elvira R. Yilmaz ¹,
Ivina I. Gabdrahmanova²**

¹Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia

²Master's Student, Kazan (Volga Region)
Federal University, Kazan, Russia

Corresponding author:
el-vira-hadieva@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0002-5649-6995>

АННОТАЦИЯ. Статья анализирует культурные барьеры в российско-турецком дипломатическом общении в условиях интенсификации политического диалога и двустороннего сотрудничества. Теоретическую основу составляют теория культурных измерений Г. Хофстеде и концепция высоко- и низкоконтекстных культур Э. Холла в сопоставлении с отечественными исследованиями. Эмпирическая база включает официальные заявления, экспертные оценки и материалы подготовки дипломатических кадров; применяются качественный анализ дипломатического дискурса и контент-анализ. Выявлено, что коммуникативные сбои обусловлены различиями в правилах интерпретации

ABSTRACT. The article examines cultural barriers in Russian-Turkish diplomatic communication amid intensified political dialogue. Drawing on G. Hofstede's cultural dimensions and E. Hall's high-/low-context theory, the study analyses official statements, expert commentaries, and training materials using qualitative discourse and content analysis. It shows that misunderstandings arise primarily from differing conventions of meaning interpretation rather than information gaps, creating risks of false mutual understanding. The article substantiates institutional and educational measures aimed at reducing communicative failures and enhancing the predictability of diplomatic interaction.

информации и создают риск ложного взаимопонимания. Обоснованы институциональные и образовательные меры по снижению данных рисков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: российско-турецкие отношения; дипломатическое общение; межкультурная коммуникация; культурные барьеры; дипломатический дискурс; лингвокультурная медиация; стратегическая глубина.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Йылмаз Э.Р., Габдрахманова И.И. Культурные барьеры в российско-турецком дипломатическом общении и пути их преодоления. *Современные востоковедческие исследования*. 2026; Том 8 (1). С. 41-50 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-41-50>

KEYWORDS: Russian–Turkish relations; diplomatic communication; intercultural communication; cultural barriers; diplomatic discourse; linguocultural mediation; strategic depth.

FOR CITATION: Yilmaz E.R., Gabdrahmanova I.I. Cultural barriers in russian-turkish diplomatic communication and ways to overcome them. *Modern Oriental Studies*. Year; Volume 8 (№1). P. 41-50 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-1-2026-41-50>

За последние два десятилетия российско-турецкие отношения превратились в один из ключевых факторов региональной безопасности на Ближнем Востоке и в Черноморском регионе. Эволюция от взаимоотношений «заклятых друзей» к прагматическому партнёрству сопровождалась как формированием устойчивых механизмов политического диалога, так и чередой острых кризисов — от инцидента со сбитым российским самолётом в 2015 г. до разногласий по поводу сирийского урегулирования и расширения НАТО (Долгов 2021; 14; Ягья 2014).

В литературе подчёркивается, что на фоне серьёзных расхождений в интересах России и Турции именно способность лидеров выстраивать личную коммуникацию позволяла сторонам неоднократно «перезапускать» отношения после кризисов (Долгов 2021; Ягья

2014). Однако устойчивость такого «лидероцентричного» формата взаимодействия ограничена, если дипломатические и экспертные сообщества не обладают развитой межкультурной компетентностью и воспроизводят на уровне рабочего общения накопленные культурные барьеры.

Цель статьи — выявить основные типы культурных барьеров в российско-турецком дипломатическом общении и предложить практические меры по их преодолению.

Методологически работа опирается на теорию культурных измерений Г. Хофстеде, концепцию высоко- и низконтекстных культур Э. Холла, российскую и турецкую литературу по межкультурной коммуникации, а также исследования по эволюции российско-турецких отношений и идеологическим основаниям

внешней политики двух стран (Ахмедов 2019; Аватков 2017; Долгов 2021; Глаголев 2016; Межуев; Ягья 2014). Используются методы качественного анализа дипломатического дискурса, контент-анализ официальных документов и экспертных материалов, элементы сравнительно-исторического подхода.

Современная отечественная литература трактует межкультурную коммуникацию как сложный комплекс взаимодействий носителей различных лингвокультурных кодов, реализуемых в конкретных институциональных контекстах (Боголюбова 2009, с. 12-22; 4, с. 31-40; Глаголев 2016, с. 5-12). Культурный барьер при этом понимается либо как совокупность устойчивых различий в ценностях, нормах и моделях поведения, затрудняющих взаимопонимание участников коммуникации, либо как субъективно переживаемое ощущение непонимания и «чуждости» партнёра (Глаголев 2016; Михельсон 2016).

В зарубежной традиции большое влияние оказали работы Э. Холла, выделившего различия между высоко- и низконтекстными культурами, а также исследования Г. Хофстеде, предложившего систему измерений культуры — дистанция власти, индивидуализм–коллективизм, избегание неопределённости, маскулинность–фемининность, долгосрочная ориентация и снисходительность–сдержанность (Hall 1976; Hofstede 1980). Для дипломатического общения принципиально важно сочетание контекстуальности, отношения к иерархии и допустимого уровня неопределённости при принятии решений.

С точки зрения функциональной типологии культурных барьеров целесообразно раз-

личать: а) когнитивные барьеры (различия в базовых представлениях о мире, истории и справедливости); б) коммуникативные барьеры (особенности речевого поведения, жанров и формальной этики общения); в) институциональные барьеры (различия бюрократических процедур и норм дипломатического протокола); г) языковые барьеры и связанные с переводом смысловые потери (Боголюбова 2009; Глаголев 2016; Михельсон 2016; Сафонова 2018). Все указанные измерения в различной степени проявляются в российско-турецком дипломатическом дискурсе.

Отдельный пласт исследований посвящён профессиональной межкультурной компетентности специалистов в области международных отношений и дипломатии. Показано, что успешность коммуникации определяется не только знанием языка, но и владением стратегиями лингвокультурной медиации, умением интерпретировать неявные сигналы и учитывать культурные ожидания партнёра (Зоткина 2018; Михельсон 2016). Для российско-турецкого направления это особенно важно в связи с высокой политической чувствительностью повестки и плотным историческим контекстом (Ахмедов 2019; 2; Долгов 2021; Ягья 2014).

Исторически взаимодействие России и Турции развивалось как сочетание жёсткого соперничества и периодов прагматического сближения. В XXI веке на первый план вышла логика «ограниченного партнёрства», основанного на совпадении ряда тактических интересов при сохранении серьёзных стратегических разногласий (Долгов 2021; 14; Ягья 2014).

Исследователи выделяют несколько ключевых сюжетов: энергетическое сотрудничество, сирийское и ливийское урегулирование, черноморскую безопасность, военно-техническое взаимодействие (поставки ЗРК С-400), туризм и гуманитарные связи (Долгов 2021; Дружинин 2016; 14; Ягья 2014).

Российские авторы подчеркивают, что политика Турции в отношении России строится в логике «многовекторности» и стремления Анкары усилить собственный статус региональной державы, опираясь на концепт «стратегической глубины» А. Давутоглу (Ахмедов 2019; Долгов 2021; Межуев 2019; Davutoğlu 2001). Турецкая внешняя политика объединяет элементы неоосманизма, пантюркизма и евразийства, что определяет специфическое восприятие России одновременно как партнёра, конкурента и необходимого балансира западного влияния (Надыров, 2022).

С российской стороны формируется образ Турции как важного, но потенциально непредсказуемого партнёра, способного быстро менять тактические установки под влиянием внутренней политической динамики и конъюнктуры отношений с Западом (Долгов 2021; Дружинин 2016; Ягья 2014). В этих условиях особое значение приобретает качество дипломатической коммуникации, которая должна одновременно учитывать культурные особенности партнёра и защищать долгосрочные интересы России.

И Россия, и Турция относятся к культурным типам с относительно высокой контекстуальностью, однако степень зависимости смысла

высказывания от неявного контекста и социального окружения различается (Аватков 2017; Davutoğlu 2001). Турецкий дипломатический дискурс, опирающийся на османскую традицию и исламскую риторику, допускает более широкое использование метафор, аллюзий и религиозно окрашенных образов. Российский дискурс, несмотря на наличие идеологических компонентов, тяготеет к более юридизированному и «текстуально ориентированному» стилю публичных заявлений (Долгов 2021; Ирхин 2021; Межуев 2019).

Это различие проявляется, в частности, в трактовке публичных сигналов. Жёсткие заявления турецкого руководства, рассчитанные на внутреннюю аудиторию и воспринимаемые в Анкаре как элемент привычной политической риторики, в Москве нередко интерпретируются как пересечение «красных линий» (Долгов 2021; Ягья 2014; Davutoğlu 2001). В свою очередь, осторожно сформулированные российские комментарии могут на турецкой стороне восприниматься как недостаток ясности или признак скрытого недовольства, что стимулирует эскалацию символических жестов.

Существенным источником недоразумений являются различия во временных установках и деловой этике. Российская дипломатическая культура сочетает ориентацию на формальные сроки с высокой гибкостью в организации процесса переговоров, допускающей перенесение встреч и многократную корректировку повестки. Турецкая дипломатическая традиция, особенно в последние годы, усиливает акцент на оперативности принятия решений

и персональной ответственности лидера, что повышает чувствительность к затягиванию процедур и к «необъяснимым паузам» в диалоге (Долгов 2021; Ирхин 2021; Davutoğlu 2001; Hofstede 1980).

Исследования межкультурной деловой коммуникации показывают, что различия в представлениях о допустимых задержках, структуре встречи и соотношении формальной и неформальной частей переговоров нередко становятся источником скрытого раздражения и взаимных обвинений в непрофессионализме (Михельсон 2016; Hofstede 1980). Для российско-турецкого диалога это проявляется, например, в ожидании турецкой стороны закрепления договорённостей в кратчайшие сроки и стремлении к «пакетным» решениям, в то время как российская сторона склонна к более пошаговой логике и разнесению политических и экономических соглашений во времени (Долгов 2021; 14; Ягья 2014).

Важным культурным барьером выступают различия в ценностных установках и цивилизационных нарративах. Российская внешняя политика в официальных документах апеллирует к идеям суверенного равенства государств, многополярности и приоритета международного права (Ирхин 2021). Турецкая внешняя политика, особенно в трактовке А. Давутоглу, опирается на представление о Турции как «центральной стране» с особой исторической миссией в прилегающих регионах (Davutoğlu 2001). Эти различия усиливают конкуренцию интерпретаций в отношении Сирии, Кавказа, Черноморского региона.

С точки зрения восприятия справедливости и статуса Россия и Турция демонстрируют повышенную чувствительность к символическим аспектам взаимодействия — месту встречи, формату протокола, структуре совместных заявлений. Любое нарушение ожидаемого баланса — от неудачной формулировки пресс-релиза до очередности выступлений на совместной конференции — может восприниматься как сигнал неуважения и провоцировать жёсткую риторику (Ахмедов 2019; Долгов 2021; Ирхин 2021; Ягья 2014; Davutoğlu 2001).

Лингвокультурный анализ российско-турецкого дипломатического дискурса показывает различия в употреблении ключевых понятий, таких как «партнёрство», «безопасность», «справедливость», «терроризм», «суверенитет». Например, турецкое понимание «справедливого мира» в риторике тезиса «Мир больше пяти» строится вокруг критики структурной несправедливости нынешней системы ООН и западного доминирования (Ирхин 2021). Российская риторика делает акцент на недопустимости вмешательства во внутренние дела государств и на необходимости «неделимой безопасности» (Долгов 2021; Ирхин 2021).

Даже при использовании схожих терминов стороны вкладывают в них различное содержание, что ведёт к возникновению «ложного взаимопонимания» — ситуациям, когда партнёры уверены, что договорились, но на самом деле исходят из разных интерпретаций ключевых понятий (Боголюбова 2009; Глаголев 2016; Михельсон 2016; Сафонова 2018; Hall 1976). Дополнительные сложности создаёт

перевод дипломатических формулировок между русским и турецким языками, в том числе различия в степени прямоты/косвенности речевых актов и употреблении смягчающих конструкций.

Ряд исследований, выполненных на материале Дипломатической академии МИД России и других профильных вузов, показывает, что системная работа по формированию профессиональной межкультурной компетентности способна существенно снизить риск коммуникативных сбоев (Зоткина 2018; Михельсон 2016). Ключевую роль играет сочетание языковой подготовки с освоением теоретических основ межкультурной коммуникации и практикой анализа конкретных кейсов российско-турецкого взаимодействия.

В рамках образовательных программ целесообразно выделять специальные модули, посвящённые турецкой политической культуре, историческим этапам и современным направлениям внешней политики Турции, особенностям дипломатического протокола и риторики Анкары (Ахмедов 2019; Аватков 2017; Долгов 2021; Межуев 2019; Davutoğlu 2001). Важно, чтобы эти модули включали анализ оригинальных турецких источников и публичных выступлений, а не ограничивались пересказом российских комментариев.

Дополнительным направлением является переподготовка уже работающих дипломатов и военных атташе по программам повышения квалификации, предполагающим моделирование переговорных ситуаций, разбор реальных кризисных эпизодов и отработку стратегий по-

ведения в условиях жёсткого медиадавления (Зоткина 2018; Михельсон 2016; Попова 2018; 14).

В российской методической литературе подчёркивается роль лингвокультурной медиации как интегральной компетенции специалиста по международным отношениям, предполагающей способность сознательно управлять переходом между кодовыми системами различных культур (Боголюбова 2009; Боголюбова 2023; Глаголев 2016; Сафонова 2018). Для российско-турецкого направления особое значение имеет подготовка переводчиков и референтов, способных не только корректно передавать текст, но и объяснять сторонам прагматические импликации высказываний партнёра.

Опыт двусторонних визитов и многосторонних форматов показывает, что наличие в делегации экспертов, хорошо ориентирующихся в политической риторике другой стороны, позволяет вовремя смягчать или пояснять потенциально конфликтные формулировки, а также предлагать альтернативные варианты совместных заявлений, приемлемые для обеих сторон (Зоткина 2018; Михельсон 2016; Сафонова 2018; 14).

Многочисленные кейсы российско-турецкого взаимодействия показывают, что существенную роль в поддержании диалога играют не только официальные переговоры, но и так называемые форматы трек-2 и трек-1,5 – экспертные площадки, форумы, совместные исследовательские проекты (Дружинин 2016; 14; Ягья 2014). В рамках таких площадок культурные барьеры частично сглаживаются за счёт

меньшей жёсткости протокола и возможности более детально обсуждать мотивацию и ограничения каждой из сторон.

Расширение российско-турецких академических обменов, совместных программ магистратуры и школ молодёжной дипломатии позволяет формировать новый слой специалистов, для которых культурная специфика партнёра не является «чужой» и не вызывает избыточных эмоций (Дружинин 2016; Зоткина 2018; Михельсон 2016; 14). При условии институциональной поддержки эти форматы могут стать важным ресурсом долгосрочного смягчения культурных барьеров в официальном дипломатическом общении.

Таким образом, что культурные барьеры в российско-турецком дипломатическом общении носят многоуровневый характер и связаны как с различиями в коммуникативных стилях и ценностных установках, так и с особенностями институциональной среды и языкового посредничества. Высокая контекстуальность, акцент на статусе и исторической миссии, различия в трактовке справедливости и безопасности создают значительный потенциал недопонимания, который особенно ярко проявляется в кризисные периоды (Ахмедов 2019; Долгов 2021; Ирхин 2021; 14; Davutoğlu 2001).

В то же время устойчивость прагматического партнёрства России и Турции во многом зависит от способности сторон выстраивать каналы системной, а не эпизодической межкультурной адаптации. Ключевыми элементами такой стратегии являются: интеграция российско-турецкого измерения в программы под-

готовки дипломатов и специалистов-международников; развитие лингвокультурной медиации и профессиональной подготовки переводчиков; институционализация форматов трек-2 и трек-1,5 дипломатии; укрепление экспертных и академических обменов (Дружинин 2016; Зоткина 2018; Михельсон 2016).

Практическая значимость исследования состоит в том, что выявленные типы культурных барьеров и предложенные механизмы их преодоления могут быть использованы при разработке учебных курсов по межкультурной коммуникации, проектировании программ повышения квалификации для сотрудников МИД и других ведомств, участвующих в российско-турецком диалоге, а также при подготовке аналитических материалов для органов внешнеполитического планирования.

Список литературы

1. Долгов Б. В. Россия и Турция в региональном и геополитическом пространстве. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 3. С. 147–160.
2. Ягья В. С., Соломина Д. В. Отношения России и Турции в XXI веке: тенденции и трудности. Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2014. № 1. С. 127–138.
3. Ахмедов В. М. Турецкий выбор. Вестник Института востоковедения РАН. 2019. № 2 (8). С. 214–220.

4. Аватков В. А., Павлова А. И. Особенности межкультурной коммуникации в Республике Турция. Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 1. С. 65–75.
5. Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В. Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен: учеб. пособие. СПб.: СПбГУ культуры и искусств, 2009. 416 с.
6. Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В. Межкультурная коммуникация: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2023. 582 с.
7. Михельсон С. В. Культурные и коммуникативные (языковые) барьеры в международном бизнесе. Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 8 (390). Сер. Философские науки. Вып. 41. С. 41–43.
8. Сафонова В. В. Лингвокультурная медиация как стратегическое общеевропейское направление в развитии современного языкового образования. Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сборник научных трудов. М.: КДУ, Университетская книга, 2018. С. 179–183.
9. Дружинин А. Г. Российско-турецкие отношения в постсоветском евразийском контексте. Научная мысль Кавказа. 2017. № 4 (92). С. 5–14.
10. Зоткина И. В. Межкультурная коммуникативная и профессиональная компетентность студентов Дипломатической академии МИД РФ. Язык, культура, перевод, коммуникации: сб. науч. тр. М., 2018. Т. 2. С. 216–220.
11. Ирхин А. А., Москаленко О. А. «Мир больше пяти» или справедливость по-турецки: основные идеи внешнеполитической концепции Р. Т. Эрдогана. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 91–107.
12. Надыров Р.Н. Тюркский фактор в международных отношениях в Центральной Азии: 1992-2019 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук. - Казань, 2022. - 229 с.
13. Межкультурная коммуникация в условиях глобализации: учебное пособие. 2-е изд., ред.-сост. В. С. Глаголев. М.: Проспект, 2016. 247 с.
14. Межуев Б. В. Турция, Россия и Европа с позиции «цивилизационного реализма». Полис. Политические исследования. 2019. № 6. С. 53–66.
15. Попова Е. А. Подготовка преподавателя иностранного языка к формированию профессиональной межкультурной компетенции студентов-международников. Вестник МГЛУ. 2018. № 1 (790). С. 73–81.
16. Углубление российско-турецких отношений: доклад № 41. Российский совет по международным делам. М., 2017. (Электронный ресурс). URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/uglublenie-rossiysko-turetskikh-otnosheniy/> (дата обращения: 26.12.2025).
17. Davutoğlu A. Stratejik Derinlik: *Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul: Küre Yayınları*, 2001. 611 p.
18. Hall E. T. *Beyond Culture. New York: Anchor Books*, 1976. 298 p.

19. Hofstede G. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills: Sage, 1980. 475 p.

References

1. Dolgov B. V. Rossiia i Turtsiia v regional'nom i geopoliticheskom prostranstve. Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo. 2021. Vol. 14. No. 3. P. 147–160.
2. Iag'ia V. S., Solomina D. V. Otnosheniia Rossii i Turtsii v XXI veke: tendentsii i trudnosti. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Series 6: Philosophy, Cultural Studies, Political Science, Law, International Relations. 2014. No. 1. P. 127–138.
3. Akhmedov V. M. *Turetskii vybor*. Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN. 2019. No. 2 (8). P. 214–220.
4. Avatkov V. A., Pavlova A. I. *Osobennosti mezhkul'turnoi kommunikatsii v Respublike Turtsiia. Kontsept: filosofii, religiia, kul'tura*. 2017. No. 1. P. 65–75.
5. Bogoliubova N. M., Nikolaeva Iu. V. *Mezhkul'turnaia kommunikatsiia i mezhdunarodnyi kul'turnyi obmen: uchebnoe posobie*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Culture and Arts, 2009. 416 p.
6. Bogoliubova N. M., Nikolaeva Iu. V. *Mezhkul'turnaia kommunikatsiia: uchebnik dlia vuzov*. Moscow: Iurait, 2023. 582 p.
7. Mikhel'son S. V. Kul'turnye i kommunikativnye (iazykovye) bar'ery v mezhdunarodnom biznese. Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. No. 8 (390). Series: Filosofskie nauki. Issue 41. P. 41–43.
8. Safonova V. V. Lingvokul'turnaia mediatsiia kak strategicheskoe obshcheevropeiskoe napravlenie v razvitii sovremennogo iazykovogo obrazovaniia. Iazyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikatsiia: sbornik nauchnykh trudov. Moscow: KDU, Universitetskaia kniga, 2018. P. 179–183.
9. Druzhinin A. G. *Rossiisko-turetskie otnosheniia v postsovetском evraziiskom kontekste. Nauchnaia mysl' Kavkaza*. 2017. No. 4 (92). P. 5–14.
10. Zotkina I. V. *Mezhkul'turnaia kommunikativnaia i professional'naia kompetentnost' studentov Diplomaticheskoi akademii MID RF. Iazyk, kul'tura, perevod, kommunikatsii: sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, 2018. Vol. 2. P. 216–220.
11. Irkhin A. A., Moskalenko O. A. "Mir bol'she piati" ili spravedlivost' po-turetski: osnovnye idei vneshnepoliticheskoi kontseptsii R. T. Erdogan. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniia. 2021. Vol. 21. No. 1. P. 91–107.
12. Nadyrov R.N. The Turkic factor in international relations in Central Asia : 1992-2019: dissertation... Candidate of Historical Sciences . - Kazan, 2022. - 229 p.
13. *Mezhkul'turnaia kommunikatsiia v usloviakh globalizatsii: uchebnoe posobie*. 2nd ed. Ed. by V. S. Glagolev. Moscow: Prospekt, 2016. 247 p.
14. Mezhuev B. V. *Turtsiia, Rossiia i Evropa s pozitsii "tsivilizatsionnogo realizma"*. Polis. Politicheskie issledovaniia. 2019. No. 6. P. 53–66.

15. Popova E. A. *Podgotovka prepodavatel'ia in-
ostrannogo iazyka k formirovaniu profession-
al'noi mezhkul'turnoi kompetentsii studentov-
mezhdunarodnikov*. Vestnik MGLU. 2018. No.
1 (790). P. 73–81.
16. *Uglublenie rossiisko-turetskikh otnoshenii*:
Report No. 41. Russian International Affairs
Council. Moscow, 2017. (Electronic re-
source). Available at: [https://
russiancouncil.ru/activity/publications/
uglublenie-rossiysko-turetskikh-otnosheniy/](https://russiancouncil.ru/activity/publications/uglublenie-rossiysko-turetskikh-otnosheniy/)
(accessed: 26.12.2025).
17. Davutoğlu A. *Stratejik Derinlik: Türkiye'nin
Uluslararası Konumu*. İstanbul: Küre Yayınları,
2001. 611 p.
18. Hall E. T. *Beyond Culture*. New York: Anchor
Books, 1976. 298 p.
19. Hofstede G. *Culture's Consequences: Interna-
tional Differences in Work-Related Values*.
Beverly Hills: Sage, 1980. 475 p.

Сведения об авторах

Йылмаз Эльвира Рафиловна,

К.ф.н, доцент кафедры алтаистики, тюрк-
ских и центрально азиатских исследований
Казанский (Приволжский) федеральный
университет

Казань, Россия

e-mail: el-vira-hadieva@yandex.ru

Габдрахманова Ильвина Ильгизовна,

1 курс магистр.

Наименование организации (ИМОИиВ)

Казанский (Приволжский) федеральный

Адрес организации 420008, Казань, ул.

Пушкина, д. 1/55.

e-mail: ilvina_gabdrahmanova@mail.ru

Information about the authors

Elvira R. Yilmaz

PhD in Philology, Associate Professor, De-
partment of Altaic, Turkic and Central Asian
Studies

Kazan (Volga Region) Federal University

Kazan, Russia

e-mail: el-vira-hadieva@yandex.ru

Ilvina I. Gabdrahmanova

1st year Master's degree.

Organization (IMOliV) Kazan (Volga Region)
Federal University

Mailing address 1/55 Pushkin Street, Kazan,
420008.

e-mail ilvina_gabdrahmanova@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15.01.2026

Одобрена после рецензирования: 15.01.2026

Принята к публикации: 15.01.2026

Information about the article

The article was submitted: 15.01.2026

Approved after reviewing: 15.01.2026

Accepted for publication: 15.01.2026